

КВАШИИЗМ БЫЛ, КВАШИИЗМ ЕСТЬ...

Моск. комсомолец. - 1996. - 27 янв. - с. 5.

Вряд ли кто сейчас припомнит, откуда взялось и пошло гулять по киношно-театральной тусовке это выражение. Но каждый тогда уже мог на пальцах объяснить, в чем его суть.

«Обыкновенный квашизм», говорили?

Это элементарно, Ватсон. Итак, обыкновенный квашизм — это:

— способность спорить до посинения,

— упертость в принципах,

— надега,

— две пачки сигарет в день,

— искусство выпить и расколоть партнера.

Обладатель этих достоинств, переходящих в недостатки, в свою очередь переходящих в достоинства, — Игорь Кваша. Он — один из основателей «Современника».

— Известно, что Кваша не любит банальных рассказов. Игорь, как создавался театр?

— Весело. После репетиции мы оставались играть в кости на деньги. А так как они быстро кончались, мы начинали играть на вехселя. Когда же понимали, что и с вехселями плохо, начинали играть на «по ж-пе».

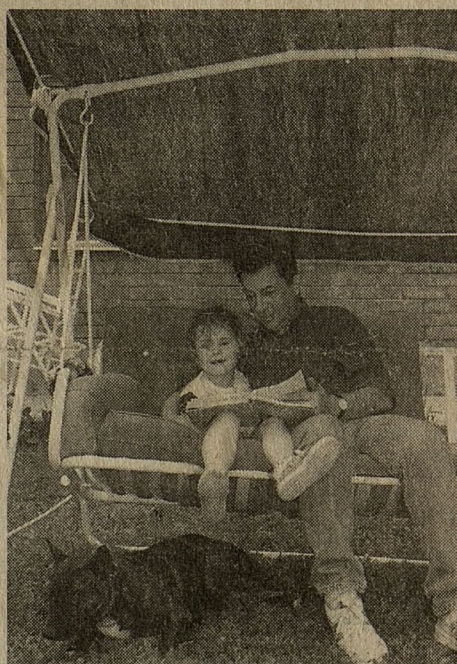
— На что? На что?

— Это когда с разбегу били по задку. Проигравший становился к столу, опирался на руки, и его били. Стоило одному ударить сильно, и шла цепная реакция: били с разворота, как диск метали. Руке, между прочим, было больно. Однажды, когда у Ефремова весь зад был синий, а надо было бить, я спросил: «Аля, как же ты выдержишь?» — «А я... как Зоя Космодемьянская». Стиснул зубы, и ему вцепили.

— Сомнительные, однако, игры. И эти «веселые» парни делали «Современник»? Театр, который повлиял на театральное движение в стране?

— Мы все ушли из своих театров (я из МХАТа, Ефремов — из Детского, Толмачева — из «Моссовета») под новую пьесу Розова. И вот помню, как мы с Ефремовым поехали к драматургу за этой самой пьесой, а все наши ребята остались ждать. Дверь открыла жена: «Ребятки, а его нет». — «Как нет? Мы же договорились».

Пошли на улицу ждать. И ждали с утра до 6 вечера. Уже понимали, что он от нас скрывается. Не понимали, почему. Олег, как мнительный человек по поводу своего здоровья, прихватил градусник. И мы начали мерить температуру. В зависимости от сведений, которые мы получали от жены Розова, у нас менялась температура от 37,8 до 37,2. Она была у нас одинаковой до десятой градуса. Вот такого «единомыслия» (о котором всегда говорили в «Современнике») мы достигли. Температура стала нормальной, когда мы узнали, что Розов в пути. Но на этом страдания не закончились, так как драматург

Дедушка Игорь, собака Феня, внучка Настя.

Игорь, был ли момент, когда вы тоже хотели оставить «Современник» и уйти за первым эшелом — Евстигнеевым, Ефремовым, Лавровой?

— Ни секунды. Да и не все сразу ушли. Евстигнеев вначале призывал остаться. Это уж потом в театре его не стало. У меня не было такой мысли, может быть, потому, что после окончания Школы-студии я работал в труппе МХАТа. Я его хорошо знал изнутри и всегда говорил, что это императорский театр с сильной парторганизацией, и там нам не дадут делать то, что мы делаем в «Современнике».

— Кто, по-вашему, Ефремов — злой гений? Добрый?

— У тебя все делится на ангела и дьявола? Я старше тебя и считаю иначе. Когда Олег Ефремов сообщил, что мы должны уйти во МХАТ, кто-то очень точно ему сказал: «Олег Николаевич, когда-нибудь в энциклопедии будет написано: «О.Н.Ефремов — создатель театра «Современник». В дальнейшем работал во МХАТе». Боюсь, что так оно и есть. Но ты впадаешь в занудство.

— История хоть давняя, но она меня волнует.

— А для меня — недавняя, для меня — болезненная. Ты правильно говоришь, будто я «похож на брошенную женщину». Правильно, потому что ушел из театра близкий, любимый, дорогой человек. Учитель. Мы дружили. И он много лет настаивал на моем переходе во МХАТ. Однажды я ему сказал: «Согласен. Но сделать новый театр. Не зови меня в эту академию».

— Какой вывод из этой истории «Современника» вы для себя сделали?

— Надо быть верным самому себе.

ТАКОЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ ЛИЦО

— Игорь, у меня такое ощущение, что все положительные герои на советской сцене были ваши.

— Большинство, к сожалению. Даже в спектакле «Два цвета» роль бандита Глухаря — самая яркая и колоритная — была написана для меня. Но Ефремов сказал, что моя роль — положительная. А ведь я хорошо знал блатных.

— Связь с блатными — можно об этом подробнее?

— Я вырос на Арбате. Нам было по 12 лет. Там был один авторитет, который нас опекал. Он мог бы нас втянуть, воспитать на свой лад, но никогда этого не делал и не подпускал к «делам».

— «Школа» старого Арбата отразилась как-то на биографии?

— Для меня полет в драку — это вопроса не было. В случае чего — в глаз. Это потом уже я стал бояться за лицо, когда учиться начал в театральном.

— Такое положительное лицо.

— Да нет, тебе это кажется.

— В этом сезоне вы сыграли Фальстафа (спектакль «Виндзорские насмешницы» — М.Р.) — пьяницу и развратника. Похоже, что Кваша взял реванш за все положительные прошлые годы... (о пьянице и развратнике — смотри ниже).

ЭНГЛИСТ И МАРКС БЫЛИ ЗДЕСЬ

— Вы работали в диссидентствующем театре, а жили в семье драматурга Штейна, очень хорошего, но известного своими «партийными» пьесами. Как вы уживались?

— Во-первых, мы жили отдельно. Но отношения у нас были замечательные. Он писал пьесы, а я говорил ему, что Ленин — говно. Он этого совсем вынести не мог, хватался за сердце.

— А когда Карла Маркса играли в кино, наверное, студировали «Манифест Компартии»? Кстати, остроумец был режиссер, который в фильме «Год, как жизнь» на роли отцов пролетарского движения пригласил Квашу и Миронова.

— Наверное, с этой картины «квашизм» начал гулять по стране. Ко мне приезжали со всех студий

АНТРАКТ

Его сегодняшняя роль — Фальстаф.

нас помочь его дочке, которая училась здесь. Мы с Таней опекали эту девочку. Ну вот беда, машина у нее была с дипломатическим номером, и подрабатывала она во французском посольстве.

И вот накануне гастролей за границу директор «Современника» сказал мне, что со мной хотят поговорить товарищи из КГБ: «Да не пойду я, хотя пусть приходят». После репетиции пришел пожилой господин, но я сразу резко с ним начал говорить. Он даже не успел задать вопросы. «Ну что же вы так агрессивно, Игорь Владимирович, важно, чтобы беседа была проведена». И этим меня расслабил. Стал расспрашивать про девочку, мол, где и как учится, а в конце сказал:

— Сам-то я из американского отдела, но товарищи из французского отдела хотели бы с вами встретиться.

Ну тут я его послал на «х...». Так и сказал. Дал дверью так, что штукатурка посыпалась. Больше ко мне не приходили.

— Жизнь в театре не осложнилась?

— Не-е-т. Когда меня и Гафта не пустили за границу, театр без нас не поехал. Так что здесь было все в порядке. Как потом объяснили Гале (Г.Б.Волчек — главный режиссер «Современника» — М.Р.), меня не пустили из-за того, что в Париже я встречался с Виктором Некрасовым. Отчего же не встречаться — ведь он мой друг.

— Факт?

— Факт. Только с ним была такая история. В Париже (там я был с Таней) мы с Некрасовым гуляли и выпивали. В последний день он предложил попить пивка. «Только я буду платить», — сказал я. «Перестань, у меня есть деньги, я только что поклевал по радио», — ответил мне Некрасов. Посидели. Выпили.

— Давайте с вами здесь простимся. А то в вагоне — одни стукачи: у тебя будут неприятности. Не надо, чтоб нас вместе видели.

Мы попрощались. А когда приехали на вокзал, смотрю — стоит Вика (так друзья называли Некрасова) у вагона. Мы заплакали.

ФАЛЬСТАФ, СТАЛИН И ДР...

— Вот я и говорю: Фальстаф — это реванш за прошлые положительные годы. Мне очень нравится эта ваша работа.

— Я долго от нее отказывался. Смущало то, что Фальстаф — большой и толстый. Ну, конечно, это роль Леонова. Но вот сыграл. Внутренне мне легко его играть. А физически тяжело. Надувной костюм сам по себе легкий, но очень жарко. За спектакль я теряю около двух килограммов.

— А были случаи, когда вы отказывались от ролей?

— Один раз отказался от «Обыкновенной истории» — глупость сделал. Если взять перечень моих ролей, то... Да я сам виноват, что восемь лет вообще не играл новых ролей. Как я их пропустил, эти годы? Это было самое рабочее, продуктивное время. Да что там... Правда, в последнее время сыграл довольно много ролей. Одна из них — чело- века, которого я всегда ненавидел, считал самой страшной личностью в истории — роль Сталина. Роль в фильме «Под знаком Скорпиона» у меня не главная, но свое видение вождя всех времен и народов я постарался воплотить. И сейчас у меня на выпуске спектакль по «Братьям Карамазовым», где я играю Карамазова-старшего.

— Ваш Фальстаф — веселый грешник. А вы?

— Ко многим священникам отношусь подозрительно: некоторые из них сотрудничали с КГБ. А ты — не священник и даже не сотрудник КГБ, чтобы я исповедовался.

— Я ловлю себя на мысли, что в прошлом вы и ваше поколение жили будущим. А когда оно наступило, стали жить прошлым, то есть охотнее говорите о днях минувших...

— Нет. Актеры всегда живут будущим. Это одна из немногих профессий, которая требует мечты. Если артист успокоится, то все, пропал парень.

Вряд ли кто припомнит, откуда взялось и пошло гулять это выражение. Но сегодня, как и тогда, «обыкновенный квашизм» — это:

— способность спорить до посинения,

— надега,

— две пачки сигарет в день,

— дед двух очаровательных внуков,

— мечта продолжить маслом писать картины, до которых сейчас не доходят руки.

Марина РАЙКИНА.
Фото Михаила ГУТЕРМАНА.

Первая роль — в спектакле «Вечно живые» (1956 г.)

сообщил, что эту пьесу (ну под которую все ушли из театров) он обещал в Детский театр: там уже шли его пьесы. Как мы его взяли — понять до сих пор не могу. Поволокли его к машинистке, забрали текст, вернулись к своим. Самое смешное, что пьеса-то нам не понравилась.

— Счастливого начало. А раскол, уход Ефремова — самый несчастливый момент?

— Это самое страшное, что произошло.

— История «Современника» писана-переписана. Меня волнует вот что: во-первых, скажите,